

Сопротивление несвободе на примере диссидентского движения в СССР

План-конспект урока. История Отечества, 11 класс

Учебник: Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А.
История Отечества. XX-начало XXI века. М., Русское слово, 2006.

Цели и задачи урока:

1. Формирование знаний об истории советского общества в 1960-е-1980-е годы, представления о тоталитаризме как политическом режиме.
2. Развитие навыков анализа (в том числе сравнительного) исторических источников: документов власти, мемуаров, публицистических документов.
3. Воспитание чувства гражданской ответственности, уважения прав человека и необходимости борьбы за их соблюдение.
4. Воспитание чувства протеста против насилия над личностью, невозможности высказывать собственное мнение, свою точку зрения.

Оборудование:

1. Документы.

Понятия:

Диссиденты, самиздат, «Хроника текущих событий», «демонстрация семерых», петиционная кампания, «Пражская весна», «проработка»

Использованная литература:

Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе СССР. – М., 2002.
Антология самиздата : Неподцензурная литература в СССР, 1950-1980-е : [В 3 т., 4 кн.] / Под общ. ред. В.В. Игрунова, Авт. проекта и сост. М.Ш. Барбакадзе, Ред. Е.С. Шварц. — М., 2005.

Алексеева Л. История инакомыслия в СССР : Новейший период. М., 2006.

Горбаневская. Полдень. М., 2007.

Формы работы:

1. Анализ документов, в том числе сравнительный.
2. Совместное обсуждение проблемы классом.
3. Элементы лекции.

План урока:

1. 5 декабря 1965 года. Начало диссидентского движения
2. Петиционная кампания 1967-1968 гг.
3. Преследования подписантов.
4. «Хроника текущих событий» (1968-1983)
5. Демонстрация 25 августа 1968 года.
6. Домашнее задание.

Ход урока.

Вступительное слово учителя.

Датой начала диссидентского движения считается 5 декабря 1965 года, когда на Пушкинской площади была проведена неофициальная (впервые с 1927 года) демонстрация в защиту арестованных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, которые опубликовали свои произведения за рубежом под псевдонимами.

Вопрос. Вспомните, кого еще преследовали из-за публикаций за рубежом? Как вы думаете, почему они публиковались под псевдонимами?

Идея демонстрации принадлежала Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину, который написал и распространил среди друзей «Гражданское обращение» с призывом выйти на площадь.

Работа с текстом «Гражданского обращения».

Гражданское обращение

Несколько месяцев тому назад органами КГБ арестованы два гражданина: писатели А. Синявский и Ю. Даниэль. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно,

что при закрытых дверях возможны любые беззакония и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции СССР и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. Невероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственную тайну.

В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола.

У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг «Тре-бу-ем глас-но-сти су-да над...» (следуют фамилии обвиняемых), или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно являются при этом вредными, а возможно и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга. Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись — следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.

Ты приглашаешься на митинг гласности, состоящийся 5 декабря с. г. в 6 часов вечера в сквере на площади Пушкина, у памятника поэту.

Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения.
(1965)

Источник: <http://antology.igrunov.ru/authors/volpin/1083933987.html>

Вопросы к документу.

- 1) Почему гласность судопроизводства так важна?
- 2) Почему понадобились такие подробные инструкции что можно и чего нельзя делать на демонстрации.

Слово учителя. Обратите внимание, лозунги не политические, от власти требуют соблюдения ее собственных законов, прежде всего Конституции. Кто же были те люди, которые вышли на площадь? Один из диссидентов Андрей Амальрик писал: «Они сделали гениально простую вещь – в несвободной стране стали вести себя как свободные люди и тем самым менять моральную атмосферу и управляющую страной традицию... Неизбежно эта революция в умах не могла быть быстрой». После суда над Синявским и Даниэлем у молодого журналиста Александра Гинзбурга возникла идея собрать все материалы, посвященные этому процессу, в одну книгу, которая получила название «Белая книга». В 1967

году Александра Гинзбурга и еще трех диссидентов арестовали, в 1968 судебный процесс над ними вызвал петиционную кампанию в их защиту. Среди самых известных писем – обращение Ларисы Богораз (жены Юлия Даниэля) и Павла Литвинова (внука наркома иностранных дел Литвинова) «К мировой общественности».

Работа с текстом документа.

К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Судебный процесс над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой, проходящий сейчас в Московском городском суде, совершается с нарушением важнейших советских правовых норм. Судья и прокурор при участии определенного сорта публики превратили судебные заседания в дикое, немыслимое в XX веке издевательство над тремя подсудимыми (Галансковым, Гинзбургом, Лашковой) и свидетелями.

Дело приняло характер известных “процессов над ведьмами” уже на второй день, когда Галансков и Гинзбург, несмотря на год предварительного заключения, несмотря на давление суда, отказались признать возведенные на них голословные обвинения Добровольского, доказывали свою невиновность. Свидетельские показания в пользу Галанскова и Гинзбурга еще более озлобили суд.

Судья и прокурор в течение всего процесса помогают Добровольскому возводить ложные обвинения на Галанскова и Гинзбурга. Адвокатам то и дело не разрешают задавать вопросы, свидетелям не дают давать показания, разоблачающие провокационную роль Добровольского в этом деле.

Судья Миронов ни разу не остановил прокурора — представителя обвинения. Лицам же, представляющим защиту, он позволяет говорить лишь то, что укладывается в заранее намеченную следствием КГБ программу. Когда кто-либо из участников процесса пытается нарушить отрепетированный спектакль, судья кричит: “Ваш вопрос снят!.. Это не имеет отношения к делу!.. Я не разрешаю вам говорить!..” Эти окрики обращены к подсудимым (кроме Добровольского), к их адвокатам, к свидетелям.

Свидетели выходят из зала после допроса — вернее, их выталкивают — в подавленном состоянии, чуть ли не в истерике.

Свидетельнице Е. Басиловой не дали сделать заявление суду — она хотела рассказать о том, как КГБ преследовал ее психически больного мужа, показания которого, данные на следствии в состоянии невменяемости, играют важную роль в обвинительном заключении. Басилову вытолкали из зала суда под окрики судьи и вой публики, заглушавшие ее слова.

П. Григоренко подал заявление о том, что он просит допустить его в качестве свидетеля, так как он может объяснить суду происхождение денег, найденных у Добровольского (по словам Добровольского, их дал ему Галансков). Заявление Григоренко отклонили под тем предлогом, что он

якобы психически болен (это неправда).

Свидетельнице А.Топешкиной не дали сделать заявление суду — она хотела сообщить суду факты, обнаруживающие лживость показаний Добровольского. Топешкину, беременную женщину, пинками выгнали из зала под улюлюканье публики.

Свидетельницу Л. Кац “комендант суда” полковник КГБ Циркуненко не пустил в зал после перерыва, заявив ей: “Дали бы вы иные показания, вам разрешили бы остаться”.

Никому из свидетелей не разрешают остаться в зале после дачи показаний, хотя советское законодательство даже обязывает их к этому. Ссылки свидетелей на статью 283 УПК РСФСР пропускались мимо ушей, а свидетелю В.Виноградову судья прямо заявил: “Вот по 283 статье и уходите из зала”.

Зал наполнен специально отобранной публикой, сотрудниками КГБ, дружинниками, создающими видимость открытого, гласного судопроизводства. Эта публика шумит, гогочет, оскорбляет подсудимых, оскорбляет свидетелей.

Судья Миронов не пытается прекратить нарушения порядка. Ни один бесчинствующий нарушитель не удален из зала. В этой накаленной атмосфере не может быть и речи о какой-либо объективности суда, ни о какой справедливости и законности. Обвинительный приговор предрешен с самого начала. Мы обращаемся к мировой общественности и в первую очередь — к советской.

Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости.

Требуем публичного осуждения этого позорного процесса и наказания виновных.

Требуем освобождения подсудимых из-под стражи.

Требуем повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей.

Граждане нашей страны! Этот процесс — пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд и этих судей — требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребили. Сегодня в опасности не только судьба трех подсудимых — процесс над ними ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов, обернувшихся для нас всех таким позором и такой кровью, что мы от этого до сих пор не можем очнуться.

Мы передаем это обращение в западную прогрессивную печать и просим как можно скорее опубликовать его и передать по радио — мы не обращаемся с этой просьбой в советские газеты, так как это безнадежно.

*Лариса Богораз-Даниэль,
Москва В-261, Ленинский просп., 85, кв. 3*

*Павел Литвинов,
Москва К-1, ул. Алексея Толстого, 8, кв. 78*

11 января 1968 г.

Источник: http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/k_mirovoy_obsch.html

Вопросы к тексту.

- 1. Как Вы думаете, почему безнадежно было обращаться в советские газеты?**
- 2. Какие принципы судопроизводства были нарушены?**
- 3. Что имеется в виду под «западной прогрессивной печатью»?**

Вопрос учителя.

Обратите внимание, что адресат Литвинова и Богораз – «мировая общественность». Как вы думаете, в чем неожиданность и важность этого адресата?

Слово учителя.

Всего по подсчетам историков более 700 человек поставили свои подписи в поддержку арестованных диссидентов, таких людей стали называть подписанты. Власть начала преследовать подписантов – увольнять с работы, исключать из партии, отчислять из институтов и т.д. Среди уволенных, например, будущая известная писательница Людмила Улицкая, тогда – сотрудник Института генетики. Давайте посмотрим, как проходил процесс увольнения.

Раздаются отрывки из записи профсоюзного собрания в школе, на котором было решено уволить Валерию Герлин, учительницу, подписавшую одно из писем.

Работа с текстом.

Протокол профсоюзного собрания 521-й школы Москвы. 16 апреля 1968.

Председатель: Профсоюзное собрание должно решить вопрос об увольнении Герлин В.М., т. к. она, будучи преподавателем литературы в старших классах, не заслуживает доверия по своим идейным и политическим взглядам.

Новожилова А.В.: В начале января происходил процесс над четырьмя молодыми людьми. Они занимались самой настоящей антисоветской

деятельностью. Степень их виновности была различна, но обвинение доказано неопровержимыми фактами. [...]. Обвиняемый Гинзбург, помимо этой антисоветской деятельности, еще и печатал свои статьи за рубежом. [...]. Процесс шел не при совсем открытых дверях, но разве это имеет значение, когда речь идет о таких явных антисоветчиках? Нельзя было дать им делать свои антисоветские заявления на суде в присутствии советских людей, нельзя заставить наших людей подвергаться воздействию такой клеветы. Могли быть и другие мотивы, по которым не всякого с улицы можно пустить на суд. Ведь не все причины мы должны знать. Мы должны верить нашим органам, а не подозревать их. После решения суда Литвинов и Богораз (она жена Даниэля) передали в зарубежную прессу клеветнический пасквиль, который содержал антисоветские требования — освободить заключенных, осудить советский суд при помощи Запада. К этому грязному письму присоединился ряд неустойчивых интеллигентов, поддавшихся на провокацию. [...]. Письмо подписала наша учительница Герлин. Она одновременно выступала в защиту антисоветчиков и преподавала литературу. Такое двоедушие недопустимо. Человек, который колеблется или сомневается, не может быть проводником нашей идеологии, не может быть воспитателем, не может работать в нашей школе.

Герлин В.М.: все, что со мной происходит, мне уже знакомо. Меня заочно судили в 1949 году, судили, если это так можно назвать, только за то, что я дочь человека, расстрелянного в 1937 году. Сейчас меня тоже судят, точнее, осудили заочно, ибо и партсобрание и местком уже вынесли решение, не потрудившись даже выслушать меня. [...]. Меня арестовали в 19 лет. Мой институт дружно клеймил меня вместе с двумя другими врагами, ныне реабилитированными преподавателями марксизма. Когда я после реабилитации вернулась в Москву, очень многим было стыдно смотреть мне в глаза. Эти люди просто поверили в мою виновность, они столь же просто выполнили требования каких-то своих вышестоящих организаций. Вероятно, прежде чем заклеить еще кого-нибудь, живые свидетели 37-47 годов должны вспомнить и массовые митинги с требованием расстрела Тухачевского и Якира и то самозабвение, с которым «разоблачали» тысячи ни в чем не повинных людей, и тот творческий ажиотаж, который заставлял вскрывать антисоветские организации даже среди детей в детском саду. [...]. Для нас история не в учебниках, не в мертвых страницах, история — в нашей крови. Мы должны чувствовать личную ответственность перед ней и за нее. Мы не можем равнодушно проходить мимо нарушения законов; мы должны бить тревогу всякий раз, когда не уверены в точности соблюдения законов советского государства. [...]. Гражданское беспокойство, на которое я не просто имею право, а которое является моей обязанностью — вот побудительная причина моих действий, выразившихся в том, что я подписала письмо, главным мотивом которого была законность суда.

[...]

Ножкина Н.Н.: Не можем мы преступников по справедливости судить! Этак всех оправдать придется!

[...]

Савельев (учитель черчения, заместитель директора по воспитательной части).

[...]

Мне непонятно другое; какое имел ко всему этому отношение детский коллектив? А ведь что получается. Раньше в школе никто не знал и не говорил ни об Андрее Белом, ни о Саше Черном, ни об Ахматовой, ни о Гумилеве. А теперь? Учащиеся не ее [Герлин] классов спрашивают, кто такие эти поэты. Откуда они слышали про них? От ребят из литературного кружка. Раньше никто не говорил об этих поэтах, никто не читал их стихов, а теперь читают и перепечатаывают. Зачем? Да еще на школьной машинке. Почему не берут то, что есть в библиотеке? Откуда повышенный нездоровый интерес?

[...]

Андреев: Человек, подписавший такое письмо, не может быть работником нашей школы.

Осипова: Мы все знаем и понимаем, что звание учителя накладывает определенные обязательства. Мы знаем В.М. [Герлин]. Она — хороший учитель. Мы должны все взвесить, а не огульно решать. Я не могу не верить объяснениям В.М., не могу не считаться с ними. Мы должны учесть и мотивы, по которым В.М. [Герлин] действовала. Она действительно лично чувствует проблему законности и имеет на это право.

[...]

Семенова Л.П. (бывшая завуч, пенсионерка).

[...]

Мы призываем, чтобы говорили о недостатках, но зачем же письма подписывать? Зачем собирать подписи? Зачем делать это известным всему миру? Эти письма льют грязь на наше государство, на наши законы.

[...]

Если учитель не имеет убеждений в правоте своего государства, он не может быть воспитателем. Нельзя лить грязь в письмах. А о прошлом что же говорить. Ему уже давали оценку, и помнить больше нечего.

Эйдлин: Нельзя неправильно ориентировать учащихся, нельзя расшатывать их мировоззрение, нельзя, чтобы у них было два взгляда на вещи. Декадентов нельзя понимать, да и что дадут эти второстепенные поэты для идейной закалки нашего поколения? У В.М. Неправильная, порочная позиция. Она и сегодня сказала. Ведь у нас, В.М., был не только 37 год. У нас советская власть. Хватит уже о 37-ом. Его осудили. А в коллективе есть группа, которая поставила себя над всеми. У нас организация, а эта группа учителей противопоставляет себя всем. Эрудицией щеголяет. Нет, В.М.! Мягкотелость вы проявили. Расхлябанность, разболтанность! Две стороны одной и той же медали. Нельзя доверять вам воспитание. Вот положи руку на сердце, если бы вас за это письмо отдавали под суд, - я был бы против, честное слово! Но нельзя вам работать, нельзя вам воспитывать. Не обижайтесь, не доверяю вам.

[...]

Эпштейн (учитель географии): мы должны быть целиком убеждены, должны не иметь колебаний. Иначе какие мы учителя! Как смеем мы заострять политические вопросы в классе, если нет высокой убежденности и кристальной чистоты мировоззрения. Таким учителям не место в школе.

[...]

Ингеров (директор школы): никто из вас, товарищи, не сомневался в самом выборе защитников Герлин. Об этом надо подумать. Неслучаен этот выбор, и неслучайно мы его предвидели. Этим товарищам пора о себе подумать. К чему приведет их такая позиция? Коллектив не захочет работать с теми, кто ее защищает.

[...]

Сейчас главный вопрос, с кем вы, товарищи защитники, и что вы собираетесь делать дальше? Мы не позволим вам иметь двойную линию. Вносить сомнения в шестнадцатилетние головы не имеете права. Образовалась группа, которая кидается беспринципно выручать своих товарищей. Можем ли мы быть уверенными, что с уходом В.М. у нас восстановится советская обстановка? Мы недвусмысленно предупреждаем этих товарищей. Пусть подумают, прежде чем голосовать. Мы этому делу даем политическую оценку. В.М. надо было раньше уволить. Нельзя, чтобы наших детей воспитывал политически сомнительный человек!

[...]

Председатель собрания (учитель начальной школы): Вы не доросли до гражданственности и порядочности, о которых вы говорите. Вы аполитичны во многом. Сравнение с культом личности — самая большая аполитичность. Люди с чистой совестью и подлинно гражданским чувством чувствуют себя в полной безопасности. Почему вот я не чувствую опасности? Совесть чистая.

Ставится предложение: просить [...] уволить В.М. Герлин по 48 статье КЗОТ (по требованию профсоюзной организации).

Результаты голосования: Из 42 человек 5 против увольнения, двое воздержались.

Источник: Архив Международного Мемориала.

Обсуждение в жанре «свободного микрофона».

Вопросы:

- 1) Согласны ли с Вами с утверждениями Семеровой?**
- 2) Может ли учитель иметь гражданскую позицию и должен ли он ее высказывать?**

Слово учителя.

Этот текст важен, потому что с одной стороны можно увидеть как работал советский режим, когда сослуживцы выступали и голосовали за

увольнение, а с другой стороны пример успешной борьбы за свои права. Герлин подала в суд, выиграла дело и ее восстановили на работе.

В связи с преследованиями появилась потребность фиксировать подобные нарушения прав человека. 30 апреля 1968 года появляется первый выпуск «Хроники текущих событий», который сделала поэтесса Наталья Горбаневская. «Хроника», которая выходила с 1968 по 1983 год, старалась публиковать информацию проверяя факты и беспристрастно. Именно благодаря «Хронике текущих событий» мы имеем представление об истории советского общества в 1960-е-1980-е годы.

Работа с текстом.

Воспоминания Горбаневской.

«Хроника родилась не на пустом месте, ее основой стал Самиздат, в котором к середине 60-х годов информационная составляющая начинала играть все большую роль. Назову важнейшие направления (линии) информационных потоков: политические процессы, вести из лагерей, преследования христиан... Все эти сведения, отраженные в самиздатовских текстах и передаваемые изустно, никто не собирал, хотя многие поговаривали: «Да, конечно, надо бы что-то эдакое организовать...» Но руки ни у кого не доходили. Одни были просто лодырями, другие, наоборот, людьми слишком занятыми. А я как раз должна была скоро рожать и уходила в предродовой отпуск, т. е. у меня появилось свободное время. Посоветовавшись с друзьями и получив их благословление, я взялась за дело...»

Источник: <http://www.prison.org/clouds/clouds815.shtml>

По мнению академика Андрея Дмитриевича Сахарова, получившего в 1975 году Нобелевскую премию мира за активнейшую правозащитную деятельность, «Хроника» была главным достижением диссидентов.

Вопрос школьникам. Почему?

А вот как характеризовал «Хронику» советский суд.

Из приговора А.Д. Рыбакова, осужденного Новосибирским областным судом за «антисоветскую агитацию и пропаганду» к пребыванию в специальной психиатрической больнице (находился там с 1972 по 1974 год). 14 сентября 1972.

«Так, в сборниках «Хроника текущих событий» извращается история КПСС и Советского государства, проводимая ими внутренняя и внешняя политика, высказываются идеи, направленные к отказу от отдельных завоеваний социализма в СССР и в странах социалистического содружества, осуждается советский государственный и общественный строй и содержатся призывы к его изменению, а на основе тенденциозно подобранных и произвольно толкуемых фактов клеветнически утверждается о якобы

существующем в нашей стране судебном и административном произволе, преследовании якобы существующих «демократических» сил за их убеждения, о якобы отсутствии в стране демократических свобод и т. д.

В частности, в сборниках «Хроника текущих событий» выпуск 4 (9) действия социалистических стран по защите социализма в Чехословакии расцениваются как «агрессия — стремление подавить демократизацию, законность, свободу», высказано убеждение, что советский народ угнетает другие народы.

[...]

В сборнике «Хроника текущих событий» выпуск 3 (8) содержатся измышления о якобы существующих в СССР нарушениях конституционных прав граждан, о политических процессах, об атмосфере травли инакомыслящих и т. д.

Источник: Архив Международного Мемориала. Ф.155

Рассказ учителя.

Концом «оттепели» и началом застоя можно считать чешские события. В 1968 году в Чехословакии, которая входила в блок социалистических стран, происходила либерализация режима: была отменена цензура, ослаблен идеологический контроль. Эти действия были встречены советским руководством с неодобрением и в итоге было принято решение о насильственной смене чешского партийного руководства. 21 августа 1968 советские войска вошли в Прагу, чешское руководство было арестовано и доставлено в Москву. Спустя несколько дней, 25 августа в 12 часов на Красную площадь вышли 8 человек (Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг), которые были несогласны с вводом войск в Чехословакию. Один из главных лозунгов был переиначенный польский лозунг середины XIX века: «За вашу и нашу свободу». Демонстрантов быстро арестовывают (при этом избивают), осенью состоялся суд на котором одни получили лагерь, другие — ссылку, а третьи были отправлены на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу. Как позднее вспоминал один из участников демонстрации Вадим Делоне: «Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы». И действительно, некоторые знакомые демонстрантов считали их акцию бессмысленной, «самосажением», тем более, что работы у диссидентов было много — Лариса Богораз (жена Юлия Даниэля) получала информацию из политических лагерей, Наталья Горбаневская делала «Хронику текущих событий», Павел Литвинов только-только закончил документальный сборник о деле Гинзбурга-Галанскова «Процесс четырех»...

Дискуссия между школьниками. Одна команда приводит аргументы за выход на площадь, другая — против. 5-7 минут обсуждение в группах, а затем учитель выписывает в два столбца аргументы обеих групп.

Слово учителя.

Ответ на вопрос — надо ли было идти на площадь или нет — появился спустя несколько дней после демонстрации. Переводчик, литературовед и следующий (после Горбаневской) редактор «Хроники текущих событий» Анатолий Якобсон написал следующее письмо:

<По поводу демонстрации протеста в связи с подавлением "Пражской весны">

25 августа 1968 г. семь человек: Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг — вышли на Красную площадь, к Лобному месту, и развернули лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (на чешском языке), «Позор оккупантам», «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу».

Охранники в штатском с грязными погромными выкриками бросились на демонстрантов, некоторых избили и всех затолкали в машину. Затем — Лефортовская тюрьма, следствие, и скоро демонстранты предстанут перед судом по обвинению в «групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок», за исключением Горбаневской и Файнберга, которых властям угодно считать невменяемыми.

О демонстрантах узнали все, кто хочет знать правду в нашей стране; узнал народ Чехословакии; узнало все человечество. Если Герцен сто лет назад, выступив из Лондона в защиту польской свободы и против ее великодержавных душителей, один спас честь русской демократии, то семеро демонстрантов безусловно спасли честь советского народа. Значение демонстрации 25 августа невозможно переоценить.

Однако многие люди, гуманно и прогрессивно мыслящие, признавая демонстрацию отважным и благородным делом, полагают одновременно, что это был акт отчаяния, что выступление, которое неминуемо ведет к немедленному аресту участников и к расправе с ними, неразумно, нецелесообразно. Появилось и слово «самосажание» — на манер «самосожжения».

Я думаю, что если бы даже демонстранты не успели развернуть свои лозунги и никто бы не узнал об их выступлении, — то и в этом случае демонстрация имела бы смысл и оправдание. К выступлениям такого рода нельзя подходить с мерками обычной политики, где каждое действие должно приносить непосредственный, материально измеримый результат, вещественную пользу. Демонстрация 25 августа — явление не политической

борьбы (для нее, кстати сказать, нет условий), а явление борьбы *нравственной*. Сколько-нибудь отдаленных последствий такого движения учесть невозможно. Исходите из того, что правда нужна ради правды, а не для чего-либо еще; что достоинство человека не позволяет ему мириться со злом, если даже он бессилён это зло предотвратить.

Лев Толстой писал: «...Рассуждения о том, что может произойти вообще для мира от такого или иного нашего поступка, не могут служить руководством наших поступков и нашей деятельности. Человеку дано другое руководство, и руководство несомненное — руководство его совести, следуя которому, он несомненно знает, что делает то, что должен». Отсюда — нравственный принцип и руководство к действию: «не могу молчать».

Это не значит, что все, сочувствующие демонстрантам, должны выйти на площадь вслед за ними; не значит, что для демонстрации каждый момент хорош. Но это значит, что каждый единомышленник героев 25 августа должен, руководствуясь собственным разумом, выбирать момент и форму протеста. Общих рецептов нет. Общепонятно лишь одно: «благоразумное молчание» может обернуться безумием - реставрацией сталинизма.

После суда на Синявском и Даниэлем, с 1966 года, ни один акт произвола и насилия властей не прошел без *публичного* протеста, без отповеди. Это - драгоценная традиция, начало самоосвобождения людей от унижительного страха, от причастности к злу.

Вспомним слова Герцена: «Я нигде не вижу свободных людей и я кричу — стой! — начнем с того, чтобы освободить себя».

Анатолий Якобсон

Источник: http://antology.igrunov.ru/authors/yakobs/vchk-vin-dissid-antolog-yakobs_1968.html

Домашнее задание:

Написать эссе по одной из цитат, используя полученные на уроке знания и документы:

1. Не могу молчать (Лев Толстой)
2. «Я нигде не вижу свободных людей и я кричу — стой! — начнем с того, чтобы освободить себя» (Александр Герцен)
3. «Лишь тот достоин чести и свободы, кто каждый день идет за нею в бой» (Иоганн Вольфганг Гете).